

©2000 г.

Р. МИХЕЛЬС

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ И АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Абсолютная **монархия** строится на воле одного человека. Sic volo, sic jubeo. Tel est mon bon plaisir^{1*}. Один правит, остальные повинуются. Воля самодержца может даже разойтись с волей нации. Сегодня от абсолютной монархии пока сохраняется пережиток, такой как право вето, принадлежащее конституционному монарху. При юридическом объяснении данного социального порядка привлекаются мотивировки из области трансцендентальной метафизики. Логическое обоснование любой монархии строится на обращении к Богу. Бог нисходит с небес и становится опорой и оплотом монархической твердыни (der monarchischen Zwingburg). Государственно-правовой базой монархии оказывается божья милость, и потому монархическая система, поддерживаемая элементом, возвышающимся над миром, выглядит как неизменная и вечная, как то, что неподвластно ни человеческому праву, ни человеческой воле. Правовым путем монархию может упразднить только Бог, но божья воля непостижима.

Принципу монархии в теории противопоставляется его антипод - принцип **демократии**, который отвергает врожденные права, а также компромиссный вариант - сочетание врожденных и приобретаемых прав, уравнивает всех граждан перед законом, предоставляет каждому in abstracto возможность подниматься на самые верхушки ступени социальной лестницы. Открывая дорогу всем, этот принцип отбрасывает родовые привилегии и придает решающее значение способностям и личным усилиям индивидов в борьбе за первенство. Если **принцип монархии** ставит всех людей в зависимость от одного индивида (монарха), и если по этой причине даже самое лучшее монархическое правительство не может дать народу никаких гарантий в том, что оно обеспечит успешное, разумное и технически эффективное управление¹, то при **демократии** весь народ разделяет ответственность за господствующие порядки, творцом которых он выступает.

Между тем в жизни обществ оба этих теоретических принципа построения государственной власти оказываются достаточно эластичными и нередко сочетаются, "car la democratic peut embrasser tout le peuple, ou se resserrer jusqu'à la moitié; l'aristocratie a son tour, peut de la moitié du peuple se resserrer jusqu'au plus petit nombre indéterminément" (Руссо)². Следовательно, по отношению друг к другу эти две формы не находятся в абсолютной антитезе, но соприкасаются на уровне, соответствующем участию в управлении 50% населения.

Наши времена раз и навсегда разрушили старые косные формы **аристократии**, по крайней мере в отношении основных составляющих элементов устройства политической жизни и их конституционного закрепления. Даже консервативные партии приняли в современном государстве демократический облик. Консервативная мысль давно отошла от прежней недоступности, встретившись с натиском демократически настроенных масс. Теперь она любит менять маску. Поэтому в истории она предстает сегодня - как абсолютистская, завтра - как конституционалистская, послезавтра - как парламентаристская. Там, где господство аристократии пока осталось прочным и безраздельным, как это было в довоенной Германии (перед 1914 г.), она охотно апеллирует только к милости божьей. Там, где

Печатается по: R. Michels. Zur Soziologie des Parteilebens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. 2-e erg. Aufl. Leipzig 1925 (1-e Aufl. Leipzig, 1911).

она, напротив, чувствует себя неуверенно и неустойчиво, как это было в Италии в 1860 г., обращение к Богу дополняется апелляцией к воле народа (*per la grazia di Dio e del popolo*)². В своих внешних формах она способна претерпевать и более значительные модификации. В монархической Франции суверен превращался из короля французского и наваррского в короля Франции (1814 г.), а из короля Франции - в короля французов (1830 г.).

Соответственно этому **партийная жизнь** общегосударственного масштаба, а также на уровне общин в значительной мере отличается ориентацией на демократию. Эта ориентация чаще всего основана на принципе большинства и всегда требует соблюдения принципа массы. Теперь даже партии **аристократии** как политические группировки безвозвратно утратили аристократическую чистоту своих принципов. Если по сути они остаются антидемократическими, то все же в силу необходимости они вынуждены, по крайней мере в определенные периоды политической жизни, выражать свое почтение перед **демократией** или даже лицемерно преподносить себя как ее приверженцев. В то время как демократический принцип направлен, согласно его сущности, на то, чтобы гераклитово "всё течёт"³ было реализовано в жизни государства и общества в соответствии с изменчивостью в волеизъявлениях народа и в формировании большинства, консервативный принцип основан на некоторых неизменных по своей сути нормах. Те или иные поступки рассматриваются вначале эмпирически как хорошие или плохие; в дальнейшем эти оценки обобщаются, возводятся в абсолют с претензией на то, чтобы это были вечные ценности, что и приводит к возникновению таких норм. Консервативный принцип подчинен закону стабильности. Большинство великих догматиков государственных интересов, в самом деле, во имя стабильности борются с **народовластием**, которое осуждают, т.к. оно по их мнению ведет к хаосу и к социальным беспорядкам.

Между тем принцип устойчивости не следует трактовать как консервативный в смысле сохранения любого Status quo. **Консервативный принцип** приводил бы к разрушению самого себя, если бы состоял только в признании существующего и в его сохранении, к примеру — в признании только действующих форм права³. В различные эпохи и у многих народов, там, где после разрыва со стабильностью старые консервативные элементы оттеснялись от непосредственной власти теми, кто представлял новые социальные слои и опирался на принципы демократии, консервативная партия оказывалась силой, враждебной по отношению к новому государственному строю, что порой придавало ей даже революционные черты. Или, может быть, контрреволюционные? Этот вопрос, поставленный как антитеза, имеет огромную значимость. В слово "**революция**" часто люди вкладывают вполне определенное историческое содержание, а ее прародительницей даже считают Великую французскую революцию. Таким образом, термином "революционная" часто обозначают только борьбу низших слоев общества против высших слоев и к тому же полагают, что революционность должна проявляться непременно в острых, конфликтных формах. Однако в соответствии с общей логикой в этот термин вложен смысл фундаментального ниспровержения, которое не следовало бы ограничивать действиями определенного класса и привязывать исключительно к определенным внешним формам насилия. И тогда революционным оказывается любой класс, стремящийся коренным образом изменить существующие порядки, независимо от того, как это совершается: сверху или снизу, силой оружия, при помощи закона или экономическим путем. Если мы посмотрим на вопрос под таким углом зрения, то окажется, что содержания понятий "**революционный**" и "**реакционный**" (в отличие от понятия "**консервативный**") сливаются, так же как и смыслы понятий "революция" и "контрреволюция". Признак, отличающий революционный переворот от реакционного, раньше, казалось бы, можно было найти исходя из того, что революционные революционеры стремятся добиваться своими действиями совокупности целей, которые исторически еще не достигались нигде в мире, или по крайней мере в их стране, тогда как контрреволюционные "революционеры" стараются внешне аналогичным образом вновь реализовать цели, уже достигнутые в прошлом. Первый тип - это французские революции 1789, 1830 и 1848 гг., Парижская коммуна, немецкая и австрийская революции 1918 г. и многие другие; второй тип - это путч булочников во Франции в 1889 г., нынешнее движение в Германии, связываемое с именами Каппа и Гитлера, удавшаяся в Италии в 1923 г.

фашистская революция (сами фашисты называют ее революцией). Между тем в качестве реплики на данное толкование мы могли бы заметить, что первый тип вовсе не характеризуется одними надеждами на новые порядки, что при нем происходит воскрешение образов свободы из прошлого (представлений о свободе из античности, воспоминаний о гражданских правах в средневековых коммунах и т.д.), также как для второго типа не свойственно полное восстановление старых порядков, и он скорее знаменует собой компромисс, при котором в той или иной форме извлекаются уроки из истории падения старого режима. Et puis alors?^{4*} Ответ ограничивается предупреждением: в тех случаях, когда идет речь о столь сложных социальных феноменах, желательно избегать слишком категорических высказываний. К тому же было бы совершенно ненаучным включение в суждения об эволюции понятий из области философии морали. То, о чем в 1830 г. сообщал из Парижа Раумер, - вполне типично: "Революционерами именуют тех людей (либералов), которые добиваются упразднения старых, отживших учреждений и устранения застарелого зла; контрреволюция означает для них распространение тех или иных злоупотреблений. Их противники - напротив, понимают под революцией всю совокупность происходящих во время нее безумий и преступлений, а под контрреволюцией — восстановление порядка, дисциплины, религии и т.п."⁴ Стоит задуматься над тем, что если в политике ценностные суждения могут становиться действенным оружием в борьбе за достижение политических и в некоторых случаях нравственных целей, то при выяснении тенденций исторического развития и мировоззренческих вопросов они не помогут даже при использовании только в виде вспомогательных средств.

Сохраняя враждебность к современности, консервативное партийное движение отчасти инстинктивно, отчасти сознательно преобразуется из клика, склонных к аристократическому эксклюзивизму, в **народную партию**.

Понимание того факта, что только массы способны помочь старой аристократии возродиться и убраться стоящей на ее пути демократический режим, превращает в демократов даже приверженцев консервативных взглядов; они признают народные бедствия и стараются, как, к примеру, роялисты в республиканской Франции, а сегодня (в 1924 г.) и часть немецкой национальной аристократии, завязывать отношения даже с революционным пролетариатом, обещая ему защиту от угнетения со стороны демократического капитала, сохранение и упрочение его могучим профсоюзам, только бы он оказал услугу: ликвидировал республику и снова возвел на престол королевскую власть - наивысшее выражение аристократического принципа⁵. Король и "королевские молодчики" (Le Roi et les camelots du Roi) - монарх и народные массы бедноты должны свергнуть олигархию разжиревших буржуа. Демократию им надо устранить демократическим путем и по воле народа. Демократический путь стал теперь единственно возможным маршрутом в движении к новому господству старой свергнутой аристократии. Валуа удивительно настойчиво ухаживают за французскими синдикалистами, видя в их лице представителей мощного движения, за которым идут массы. Этому не помеха консерватизм Валуа. Они готовы возводить своего короля на трон через революцию, что может совершиться уже не по милости Божией, а по милости революционных социалистов. Такие вот метаморфозы происходят благодаря Демосу!

Впрочем, **консерваторы** апеллируют к рабочим также потому, что не хотят ждать того времени, когда их окончательно отеснят от власти. В странах с демократическими режимами, таких, как **Англия**, они спонтанно обращают взоры на рабочий люд повсюду, где он составляет основную долю народных масс. По наблюдениям за ходом необычайно острой предвыборной борьбы января 1910 г. и января 1924 г. можно было бы прийти к убеждению, что обе партии, как либеральная, так и консервативная, прониклись социалистическими идеями и помогают пролетариату добиться победы, если основывать выводы только на тех приемах, к которым прибегают эти партии в борьбе между собой. Первая провозглашает демократические лозунги и подает надежды на проведение в перспективе широких социальных реформ; вторая раскрывает рабочим глаза на тяготы их существования в капиталистическом обществе. Обе партии в тот момент обещали гораздо больше, чем смогли бы сделать, и обе они всей манерой своей агитации показали, что признали рабочих как

решающую силу. Весьма характерны комментарии социалистических газет по этому поводу: "Английские консерваторы проповедают рабочим не умиротворение, а недовольство. В то время как, к примеру, прусские консерваторы обычно рассказывают своим рабочим про то, что нигде в мире рабочие не живут лучше, чем в Германии, английские консерваторы - напротив, уверяют, что рабочим нигде в Мире не живется хуже, чем в Англии". Цель таких заверений состояла, разумеется, в том, чтобы убедить избирателей в полезности и необходимости положить конец ненавистной системе свободной торговли, чтобы перейти к введению оградительных таможенных тарифов. Данное намерение всегда присутствовало в политике английских консерваторов, но полностью реализовать его они смогут только при содействии трудящихся масс.

Также и в государствах, где нет парламентарного правления, но введено всеобщее и равное избирательное право, партии **аристократии** могут продлить свое политическое существование только по милости масс, чьи права и политические способности данные партии теоретически отрицают⁶. Инстинкт политического самосохранения вынуждает старые правящие группы спускаться в период выборов со своих насиженных мест и прибегать к тем же демократическим и демагогическим средствам, какими пользуется наиболее молодой, наиболее многочисленный и неаристократический слой нашего общества - пролетариат. В этих странах аристократия удерживает за собой политическую власть не через парламент, а иными путями. Для этого ей достаточно традиционных зависимостей, семейных связей, интриг, земельной собственности, господствующего положения в армии⁷. Однако в декоративных целях и для того, чтобы повлиять на общественное мнение и склонить его на свою сторону, т.е. в качестве превентивной меры, ей всегда необходимо вызывающее уважение представительство в парламенте. Она стремится его достичь, но не оглашает свои цели и не взывает открыто к "своим людям". Партия аристократов и крупных землевладельцев не смогла бы пройти ни в одном избирательном округе, не сумела бы провести в депутаты ни одного своего кандидата, если бы обращалась только к людям своего круга и к тем, чьи интересы совпадают с ее интересами. Кандидат - консерватор, если бы он открыто заявил своим избирателям о том, что не считает их способными активно участвовать в решении судеб страны и что поэтому, по его мнению, их следовало бы ограничить в избирательных правах, поступил бы как честный человек, но в политическом отношении был бы безумец и глупец. Для того, чтобы пройти в парламент, у него есть только одно средство: выходить на предвыборную арену с демократическими жестами, обращаться к крестьянам и к рабочим как к коллегам, внушать им, что их экономические и социальные интересы совпадают с его собственными. Итак, аристократ понимает, что ему придется обеспечить свое избрание на основе принципа, который он не принял и в глубине души должен отвергать. Все в нем направлено на поддержание авторитетов, на сохранение ограниченных избирательных прав и на отмену всеобщего избирательного права, если оно введено, поскольку этим стеснены его традиционные свободы. Однако осознание того обстоятельства, что он живет в эпоху демократии, которая ворвалась в его мир, и что с таким принципом он выступил бы политически изолированно и никогда не смог бы сформировать базу для своей партийно-политической деятельности, заставляет его произносить совсем иные речи и по-волчьи выть, т.е. страстно обращаться к большинству⁸.

Воздействие общенародных выборов на внешнюю форму поведения консервативного политика оказывается настолько сильным, что пересечение двух кандидатов от различных, но близких по ориентациям партийных групп, в общем избирательном округе приводит к тому, что каждый из них старается непременно обозначить свое отличие и дистанцирование от соперника, ставшее столь необходимым, делая реверанс влево, т.е. максимально подчеркивая свою мнимую приверженность демократическим принципам⁹.

Подобные частные явления подтверждают известный из наблюдений факт: консерватор также стремится использовать в своих интересах основной закон современной политики, что означает замену религиозной аксиомы о том, что много званых, но мало избранных, а вместе с ней и психологического стереотипа, согласно которому идеал понимают только немногие люди, обладающие особо развитым интеллектом. Закон этот выразил Куртиус в

одной фразе: "Элитарные группы в идеале не нуждаются, но он должен овладевать массами и господствовать благодаря массам"¹⁰. Консервативный дух старого господствующего слоя, как бы глубоко он не был укоренен в его сознании, попадая в демократическую среду, нуждается в маскирующих одеждах с демократической драпировкой.

Также и теория **либерализма** исконно возлагает надежды вовсе не на массы вообще. Она опирается на вполне определенные массы, занимающие господствующие позиции в других областях, но не получившие политической власти, собственно говоря, на слои состоятельных и хорошо образованных людей. Просто массы предстают в этой теории только как неизбежное зло, которое может быть использовано для достижения чуждых либерализму целей. Страх перед **парламентаризмом** превалировал уже в сборнике статей "The Federalist: (1787 г.)"^{5*} в котором творцы Основного Закона Североамериканских штатов Гамильтон, Мэдисон и Джей излагали и защищали свои воззрения: выборы не должны проводиться чересчур часто, в составе органа законодательной власти не должно быть слишком много членов, чтобы в нем из-за большой численности не разгорелись страсти, которые следует удерживать в определенных рамках благодаря Сенату - надежному и прочному элементу, обладающему опытом и политической мудростью и защищающему народ от его собственных избранников. Президент также должен остаться независимым от них, а государственная власть ни в коем случае не должна концентрироваться в одном органе¹¹. Первый крупный немецкий либеральный историк - Роттек высказал в адрес королевской власти периода начала французской революции горький упрек за то, что она вынудила буржуазию обратиться к народу. Он разделял демократию на господство представителей и господство масс¹². В период **Июньской революции** 1830 г. Раумер разразился из Парижа бурными жалобами на то, что массы получили власть и что теперь будет очень непростым делом "отобрать ее у них, не обидев их и не побудив к очередному восстанию против их новых предводителей"¹³. Эти его речи, в которых звучали романтические дифирамбы, содержали одновременно и восхваления порядков в его родной Пруссии, где король и народ жили "в основном согласно заповедям высшей и святейшей Христовой Веры" и где удовлетворенные граждане не поднимали вопросов о своих правах¹⁴. Из истории созыва Северогерманского Рейхстага мы знаем о том, как еще один вождь либералов и борец за либеральное мировоззрение — историк Г. фон Зибель высказался против всеобщего, прямого и равного избирательного права. Только с учетом рассмотренных выше довольно своеобразных взглядов либералов на "массы" можно понять, отчего Зибель считает, что такое право "непременно окажется началом конца для любого парламентаризма" и что избирательное право всегда будет выступать как право на господство в самом прямом смысле слова, что поэтому следует предостерегать от нападков на немецкую монархию, поскольку к ней в новом федеральном государстве уже привит столь прочный институт демократической диктатуры¹⁵. Внутреннюю антипатию либералов к массам можно проследить по развитию их позиций в некоторых принципах и установках, унаследованных ими от аристократического мировоззрения. Они продемонстрировали аристократические воззрения, словно красной нитью проходящие через всю историю буржуазного либерализма, настолько ясно, что их, пожалуй, следовало бы оценивать как приущие либерализму от рождения. Еще в "коммунистическом манифесте" молодой буржуазии, автор которого - Гизо, относительно Палаты Пэров сказано, что она означала "un privilege place la ou il peut servir"¹⁶ ^{6*}. После того, как было введено расширенное избирательное право, открывающее перед коммунистически настроенным большинством избирателей и перед значительной частью депутатов в Нижней палате вполне определенные перспективы, многие, как полагает Рошер, стали иными глазами смотреть на фактическую власть Короны и Верхней палаты, сохранение которой по крайней мере не позволяет утверждать любое решение в Нижней палате как закон¹⁷. По его мнению, не следовало бы проводить какие бы то ни было расширения существующего избирательного права "без обстоятельного анализа данных статистики", то есть без предварительного досконального изучения соотношения сил, складывающегося в государстве между различными классами его населения¹⁸. В наше время [речь идет о 1911 г., первое издание] даже в наиболее близкой к социал-демократам **национал-социальной** группировке (леволиберальное партий-

но-политическое объединение в Германии) укрепило мнение о том, что переменчивая и непредсказуемая (о чем свидетельствует деятельность прежних Рейхстагов) народная воля не должна одна воздействовать на государственные дела и что наряду с ней должен присутствовать контроль со стороны сдерживающих, наделенных правом вето и независимых от народа аристократических элементов¹⁹.

В течение целого столетия немецкие историки от Роттека и до Науманна в поте лица трудились над тем, чтобы теоретически соединить в высшем единстве естественных антагонистов - **демократию** и военную **монархию**. Их искреннее стремление к этой возвышенной цели сочеталось с попыткой по возможности дефеодализировать монархию, которая при более пристальном взгляде оказалась усилиями по замене аристократических опор престола на академические. Теоретическое обоснование, если и не так называемого социально ориентированного, то уж непременно исконно народного монархического государства, было той задачей, которую они поставили перед собой (возможно, не вполне осознав это). Совершенно ясно, что подобная цель предполагает проведение политической линии, не имеющей ничего общего с наукой, однако она не обязательно противостоит научности или вступает с ней в противоречие (о чем надо судить на основании **метода**), так как сама по себе политическая линия лежит вне сферы науки. Нам не следует упрекать ученых за то, что они имели и выражали промонархические настроения - это область политики. Однако в историческом и в логическом аспектах было безусловно предосудительно с их стороны то, что они поставили знак равенства между **монархическим принципом**, фактически реализованным в Западной Пруссии в канун Мировой войны, и милой их сердцам идеей народно-монархического государства (или социально ориентированной монархии). Большинство немецких либеральных историков смешивало в этом вопросе мечту и реальность. В таком заблуждении состоит однако общий источник политических ошибок всего немецкого либерализма, который после 1866 г. все время только и делал, что затушевывал свой уход на противоположную сторону фронта, то есть борьбу против социализма и одновременно добровольный отказ от завершения политической эмансипации немецкой буржуазии, распространяя нелепое и ложное представление о том, что после объединения Германии и становления империи Гогенцоллернов все или почти все чаяния демократической юности немецкого либерализма уже вошли в жизнь. Однако основные принципы современной военной монархии (наследственной монархии) совершенно несовместимы даже со столь расширительно интерпретируемыми принципами демократии. **Цезаризм** — это еще демократия, по крайней мере он может претендовать на то, чтобы применить это название по отношению к себе, поскольку его возникновение непосредственно связано с народным волеизъявлением, тогда как у легитимного монархизма на это нет никаких оснований.

Резюмируя сказанное, мы можем, пожалуй, выдвинуть тезис о том, что в современной партийной жизни **аристократия** охотно демонстрирует себя в демократическом облачении, а в содержании **демократии** явно проступают аристократические признаки. Здесь мы встречаем аристократию, принявшую демократическую форму, там - демократию с аристократическим содержанием.

Внешняя демократическая форма устройства партийно-политической жизни может скрывать от поверхностного наблюдателя ее скатывание в сторону аристократии или, говоря точнее, к **олигархии** - процесс, которому подвержена любая партийная организация. Полем наблюдения, наиболее подходящим и эффективным для выявления данной тенденции, оказываются процессы, развивающиеся внутри демократических партий, особенно - социалистических революционных рабочих партий. Тенденции к олигархии проявляются в консервативных партиях, не считая периода проведения выборов, с той само собой разумеющейся открытостью, которая вполне соответствует принципиально олигархическому характеру этих партий. Однако и в партиях, ведущих "подрывную" работу, те же тенденции прослеживаются с не меньшей четкостью. Наблюдение этих тенденций здесь оказывается особенно ценным, поскольку революционные партии характером своего происхождения и общей политической направленностью демонстрируют отрицание их и возникали в свое время из-за оппозиции по отношению к ним. Проявление рассматриваемых тенденций также и в лоне революционных партий дает, таким образом, наиболее убедительный материал, подтверждающий наличие имманентных **олигархических признаков у всякой человеческой организации, преследующей практические цели**.

Поскольку социал-революционные и демократические партии определили как одну из

основных своих целей на данный момент борьбу с олигархией в любых формах, встает вопрос, чем можно объяснить тот факт, что в них самих развиваются те же тенденции, против которых они решили бороться. Непредвзятый аналитический ответ на этот вопрос составит основной компонент решения тех задач, которые автор поставил перед собой при написании данной книги.

Господство в нашем обществе отношений сильной экономической и социальной зависимости делает невозможным в нынешних условиях появление **идеальной демократии** в государственной жизни. Допустим. Но тогда нам следует задать также второй вопрос о том, действительно ли у элементов, которые стремятся свергнуть существующий общественный строй и планируют построить новый, имеются в зародыше силы, которые бы приблизили общество к идеальной демократии, и пробиваются ли, или вытесняются эти силы.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

¹ Это понимали и выражали в конце XVIII в. намного яснее, чем теперь, когда конституционная монархия по существу отвергла свои прежние принципы:

"Холопский страх, возникавший при виде неприступного трона, сияющего в ослепительном блеске, окруженного мириадами верных слуг и охранников с военачальниками, которые могли в любой момент обнажить мечи и нанести карающий удар, короче говоря, страх, вызванный непоколебимой силой монаршей власти, был единственным, что могло удержать и оградить монархию, обеспечить безопасность деспотов и их сатрапов. Порой судьба посылает, однако, несчастным их избавителя, какового-нибудь Кира, который разбивает старые оковы и начинает править в переустроенном государстве, проявляя мудрость и отеческое внимание к подданным, но это случается редко и перемены к лучшему чаще всего исходят от определенного лица и имеют преходящий характер, ибо главный источник зла - монархический строй - остается, и вскоре бездарные и порочные наследники разрушают то, что было создано усилиями одного умного и благородного правителя" (*C.M. Wieland. Eine Lustreise ins Elysium. Sämtliche Werke, Bd. 1, Wien, 1803, S. 209*). В 1817 г. итальянский националэконом Джузеппе Пеккио рассматривал как счастливый случай приход к власти высокообразованного и либерального короля. (*Pecchio, Dissertazione sino a qua! punto le produzioni scientifiche e letterarie seguano le leggi economiche delle prduzioni in generale. Torino 1852, S. 257*).

² *J.J. Rousseau. Le contrat social. 6. Ed. Paris, 1871. P. 91.* ["Следует заметить, что все эти формы или, по меньшей мере, первые две из них могут быть более или менее широкими, причем соответствующие различия довольно значительны, ибо демократия может объять весь народ, либо охватить не более половины его. Аристократия, в свою очередь, может охватить от половины народа до неопределенно малого числа граждан". Цит. по: Ж.Ж. Руссо. Об общественном договоре // *Ж.Ж. Руссо. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 199. - примеч. перев.*]

³ О сущности консерватизма имеется интересное исследование: *O. Slillich. Die politischen Parteien in Deutschland, Bd. 1: Die Konservativen. Leipzig. 1909, S. 18 ff.*

⁴ *F. von Raumer. Briefe aus Paris und Frankreich im Jahee 1830. Teil II. Leipzig 1831, S. 26.* О том же см.: *W. Roscher, Politik. Geschichtliche Naturlehre der Monarchie, Aristokratie und Demokratie. 3. Aufl. Stuttgart-Berlin, 1908. S. 14.*

⁵ См. роялистскую агитационную брошюру Валуа: *G. Valois. La revolution sociale ou le roi. Paris. 1908, S. 41 ff.*

⁶ То, что данное явление было осознано и использовано в практических целях в Германии Консервативной партией, явилось заслугой прежде всего Хаммерштайна и Штеккерса. Хаммерштайн, с 1881 по 1885 год главный редактор газеты *Kreuzzeitung*, первым ясно понял необходимость приобретения партией "доверия в массах" для сохранения ее жизнеспособности (см.: *H. Leuss. Wilhelm Freiherr V. Hammerstein. Berlin. 1905, S. 109*). В 1892 г. на съезде партии в Тиволи под Берлином был встречен всеобщим одобрением призыв к консерваторам стать "демагогичнее", с которым обратился делегат из Хемница.

⁷ На ошибочность недооценки той силы, какой располагал в послевоенное время [после 1918 г.] класс прусского юнкерства, правильно указывает Виттих в примечаниях к книге: *W. Wittich. Der soziale Gehalt von Goethes Roman "Wilhelm Meisters Lehrjahre" in der Erinnerungsgabe für Max Weber. München. 1922. Bd. 2, S. 296 ff.* В самом деле, роль юнкерства в Германии должна была бы быть совершенно иной, чем та, которую оно исполнило.

⁸ Прав Науманн: "Нам понятно, отчего консерваторы не очень любят всеобщее избирательное право. Оно претит самой натуре консерватора, поскольку он уже не может на предвыборном собрании открыто выдвинуть свой принцип: "авторитарный, но не мажоритарный подход..." Только в сословных органах представительной власти, таких, как прусская Палата Господ (Herrenhaus) или саксонская Первая Палата, он может представить себя таким, каков он есть. Поэтому сегодняшний консерватор - это

человек, готовый к компромиссам, барин, одевающий демократические рукавицы... Агитирующая аристократия! Уже одно это представляет собой свидетельство успеха общего демократического движения" *F. Naumann*. *Demokratie und Kaisertum. Ein Handbuch für innere Politik*. Berlin-Schöneberg. 1904, S. 92). См. также: *L. Gumplowicz, Sozialphilosophie im Umriss*. Innsbruck. 1910, S. 113. Гумплович усматривает основную опору консерватизма в аграриях.

- 9 Это относится также и к Франции. См.: *A. Berthod* (sous-chef de cabinet au Ministère des Affaires Étrangères). Выступление в ходе дискуссии, проведенной обществом "Союз борцов за истину": *La réforme électorale*. Текст был опубликован печатным органом общества: *Libres Entretien*, 6e série, IV: *La représentation proportionnelle et la constitution des partis politiques*. Paris. 1910, p. 212.
- 10 *F. Curtius*. *Über Gerechtigkeit und Politik*. *Deutsche Rundschau*, 33, 1897, S. 46.
- 11 *W. Hasbach*. *Die moderne Demokratie*, S. 48.
- 12 "Эта злосчастная (консервативная) оппозиция (т.е. сторонники Людовика XVI), самонадеянно и кощунственно выступившая против идеи гражданских и политических свобод, быстро распространившейся не только во Франции, но среди других передовых народов мира, именно она привела к тому, что революция, которая могла быть благотворной и более мирной, оказалась столь бурной, свирепой и разрушительной. Эта оппозиция гражданским и политическим свободам в самом начале вынудила народных представителей обратиться за помощью к массам, чтобы предотвратить нависшую над ними опасность, выпустив на свободу грубую, не признающую закон силу плебса, и тогда открылся сосуд Пандоры". (*C. von Rotteck*. *Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeiten*. Bd. 9. Freiburg. 1826. S. 83.)
- 13 *F. von Raumer*. *Briefe aus Paris*, Bd. I, S. 176.
- 14 *Ibid*, Bd I, S. 264.
- 15 *O. von Diest-Daber*. *Geldmacht und Sozialismus*. Berlin, 1875, S. 13.
- 16 *F. Guizot*. *Du gouvernement de la France depuis la restauration, et du ministère actuel*. Paris. 1820, S. 14.
- 17 *W. Roscher*. *Politik*, S. 321.
- 18 *ibid*. S. 336.
- 19 М. Раде в передовой статье в *Hessische Landzeitung* 1907, № 25, озаглавленной: "Всеобщее избирательное право и право короля", поддерживающей избрание Фон Герлаха в Марбурге и призывающей к сохранению всеобщего избирательного права, писал: "Да, если бы наш Рейхстаг был уполномочен на формирование правительства! Если бы он один решал судьбы нашего народа во внутренних и внешних отношениях! Но он - только одно из звеньев нашего конституционного устройства. Наряду с ним, над ним стоит Бундесрат, и ни одна фраза не станет законом, если она не будет одобрена рейхсканцлером, кайзером и высшими князьями. Бундесрат не станет долго оказывать сопротивление по отношению к сильному и разумному народному волеизъявлению, если оно в соответствии с Конституцией оглашено в Рейхстаге; но те решения Рейхстага, которые он воспринимает как необдуманные, опрометчивые и необоснованные, он со своей стороны отклонит, как уже не раз делал. ...И, таким образом, хорошо, что в нашем законодательном процессе есть эти две инстанции".

Перевод с немецкого А.А. ЗОТОВА

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

- 1* Так я хочу, так я приказываю (*лат.*). На то моя добрая воля (*франц.*).
- 2* По милости Бога и народа (*итал.*)
- 3* Все течет (*греч.*)
- 4* И что из этого? (*франц.*)
- 5* См.: *Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей*. Избранные статьи / Перевод Григория Фрейдина. Изд. В. и Л. Чалидзе. Вермонт (США), 1990.
- 6* Привилегия, утверждающаяся там, где можно служить (*франц.*).

ОТ РЕДАКТОРА

Немецкий политический социолог и историк Роберт Михельс (1876-1936) - младший современник создателей классических элитных теорий Гаэтано Моска и Вильфредо Парето развивал идеи элитизма применительно к анализу закономерностей формирования и эволюции массовых политических и общественных организаций второй половины XIX - начала XX в. Вклад Михельса в разработку элитных теорий состоит прежде всего в анализе процессов внутреннего перерождения демократической организации в олигархическую. Эти процессы объясняются им как полностью отвечающие закону смены элит Парето, который

он дополняет "железным законом олигархии". Смена демократических структур партий и вообще массовых политических организаций на олигархические является, по его убеждению, фатально неизбежным процессом.

Михельс родился в Кельне в семье крупного коммерсанта. Его отец был немецко-итальянского, а мать - французско-немецкого происхождения. Образование историка и экономиста он получил в нескольких университетах (Сорбонна, университеты Мюнхена, Лейпцига, Галле) и защитил две диссертации: по истории (Галле, 1900 г.) и по политэкономии (Турин, 1907 г.). Его жизнь и творчество отличаются резкими изменениями политических ориентаций: сначала (1900 г.) - постепенным переходом из "буржуазного лагеря" в "стан социалистов", спустя восемь лет - разочарованием в социалистическом движении и выходом из СДПГ, в конце жизни - принятием приглашения на занятие должности профессора в Высшей фашистской партшколе в Италии; чередованием увлечений марксизмом, анархосиндикализмом и итальянским фашизмом; сменой немецкого гражданства на итальянское.

"Смена знамен" не была для Михельса результатом принятия спонтанных решений и обуславливалась определенными обстоятельствами объективного и субъективного характера. Его приход к социалистам произошел во многом под влиянием интеллектуальной среды Марбургского университета, в котором он учился. Там "задавали тон" историки и философы Марбургской школы с ее неокантианским социализмом, такие как Фридрих Альберт Ланге, Пауль Наторп, Герман Коген и др. Его симпатиям к социалистам способствовало также влияние антиимперских настроений, широко распространенных в XIX в. в тех местах, где он родился - среди населения Рейнской области, недовольного политикой "опруссачивания" Германии.

С 1903 по 1907 г. Михельс являлся активистом Марбургской секции СДПГ, представляя ее синдикалистское крыло; в 1903 и в 1905 гг. избирался делегатом на национальные съезды этой партии. В те годы он обратился к изучению истории социалистических движений в Европе (особенно бакунинского интернационала и рабочих союзов Лассаля), истории социалистических организаций в Италии и немецкой социал-демократии. Статьи и заметки на эти темы публиковались им во многих научных журналах и в изданиях социалистической направленности. По причинам агитационных выступлений в социалистической прессе Михельс был вскоре лишен права на преподавательскую деятельность в Марбургском, а затем и в Йенском университете. Участие Макса Вебера и Ачилле Лориа помогло ему перебраться в Италию и получить в 1907 г. место приват-доцента кафедры национальной экономики в Туринском университете. Тогда же в Туринском университете курс истории политических институтов читал Гаэтано Моска, оказавший большое влияние на формирование Михельса как социолога.

Михельс воспринял в качестве универсального сформулированный Моской закон о невозможности осуществления управления социальной жизнью без деления общества на управляющее меньшинство и управляемое большинство. Собственные социально-политические воззрения Михельса, установившиеся после 1908 г., можно рассматривать как продолжение линии, идущей от Моски и Парето, но в отличие от них он непосредственно сфокусировал свои исследовательские интересы на новом, наиболее важном элементе политического ландшафта западноевропейского общества начала XX в. - массовых политических партий.

Эта направленность его творчества выразилась в вышедшей в 1911 г. книге "Социология политических партий в условиях современной демократии". В предлагаемом вниманию читателей Введении к этому основному социологическому произведению Михельс определил его общую цель как "непредвзятый аналитический ответ" на вопрос о том, почему в недрах наиболее революционных социалистических и демократических партий стали развиваться те же самые олигархические тенденции, против которых они намерены вести борьбу.

Опыт политического участия в СДПГ и в Итальянской социалистической партии убедил анархосиндикалиста Михельса в неспособности рядовой партийной массы к действенной самоорганизации и к обеспечению самоуправления на основе демократического принципа. Роль организатора и цементирующего начала берет на себя оргкомитет, объективно превращающийся в партаппарат, поскольку без него партия неспособна вести активную политическую борьбу и осуществлять оперативные действия.

Особое место в развиваемом Михельсом варианте элитной теории заняла тема харизматического лидерства, инициированная благодаря знакомству с трудами Макса Вебера. Упомянутая книга Михельса включает подробный анализ психологии партийной массы и отношений, складывающихся между вождем, партийной верхушкой и рядовыми членами

партии. Эта тема, получившая в книге в основном теоретическое освещение, в дальнейшем обрела конкретный практически-политический смысл, когда после 1922 г. (дата прихода к власти Муссолини) встал вопрос об отношении самого Михельса к фашистскому режиму.

Его переход к фашистам был обусловлен рядом причин. Утрата им веры в невозможность непосредственного, стихийного продвижения народных масс к социализму почти совпала с началом "Ура-патриотической волны" в Италии в годы **империалистического** завоевания Триполи и Киренаики и с крахом социалистического интернационала в канун Первой мировой войны. Не будем упускать из вида и то, что итальянский фашизм представлял собой более "мягкую" форму тоталитарной диктатуры, чем немецкий.

Годы Первой мировой войны Михельс провел в мирной Швейцарии как профессор кафедры Национальной экономики и статистики Базельского университета. В своих публикациях он приветствовал подъем фашистского движения в Италии, а в 1924 г. вступил в Национальную фашистскую партию Италии. Вскоре после этого по настоянию Муссолини он был приглашен на должность профессора в Университет и фашистскую партшколу Перуджии. Умер Михельс в 1936 г. в Риме.

Публикуемая ниже 1-я глава Введения к "Soziologie des Parteiwesens" переведена по второму немецкому изданию 1924 г. и по существу представляет собой самостоятельную статью. Представляет интерес данное в нем диалектическое рассмотрение ряда аспектов проблемы соотношения между революциями и контрреволюциями. Отмечая тот факт, что порой реакционные движения обретают революционные формы (приводятся примеры движения Каппа и Гитлера в Германии и триумфа Муссолини в Италии, который фашисты назвали революцией), немецкий социолог обозначает данные явления термином "реакционные революции". Попутно вспомним, что в истории нередко революционная форма скрывала реакционное содержание и встречаются факты превращения революционных войн в империалистические. Так, во Франции революционные войны, начавшиеся вскоре после революции 1789 г., затем превратились в империалистические и привели к возвышению Наполеона Бонапарта (что отметил Карл Маркс). Это же можно сказать и о зафиксированных Михельсом метаморфозах внутри политических движений и партий левой ориентации, произошедших на рубеже XX в. в связи с приходом в политическую жизнь не-образованных масс и с либерализацией политических институтов в ряде стран Западной Европы. Читатель может также ознакомиться с социологическим анализом общего политического процесса в начале века в Германии и в Италии, изменения в этих странах роли монархии.

А.А. ЗОТОВ,

*Научный сотрудник Института социологии РАН,
редактор отдела журнала "СОЦИС"*